

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.003
УДК 159.953 + 159.942 +
+ 821.161.1-3 Солженицын

Н. В. Ликвинцева

*Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия*

РАБОТА ПАМЯТИ В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В статье рассматривается формообразующий характер работы памяти в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына, импульсом для которой послужило желание рассказать о погибших и жертвах лагерной системы, стать свидетелем. Это отразилось и на жанровом своеобразии и темпоральности произведения, и на истории его создания. Соединение личной памяти автора с коллективной памятью других жертв ГУЛАГа происходит не методом механического суммирования, но в рамках свидетельства. Фигура свидетеля рассматривается в статье в контексте типологии свидетелей Алейды Ассман, размышлений о свидетельстве Primo Levi и Джорджо Агамбена. Желание стать свидетелем жертв ГУЛАГа требует от автора не только интеллектуального усилия памяти (внимание, запоминание), но и нравственного выбора (готовности разделить участь жертв, пойти на риск, чтобы создать и опубликовать свидетельство) и способности к аккумулятивному страданию и повышенной эмпатии. Свидетельство приносится от имени разнородной группы людей, маркируемой автором местоимением «мы», в которой чаще всего объединены заключенные лагерей, и которая дана на фоне второй группы, названной «они» и объединяющей палачей и охранников. Путем причастности к страданию и способности к внутреннему изменению человек может перейти из второй группы в первую. Особенно важна в аспекте работы памяти в «Архипелаге ГУЛАГ» фигура читателя, которому сразу предоставляется возможность примкнуть к группе «мы», пройти вместе с повествователем весь путь страдания, измениться и стать способным в конце воспринять полученное свидетельство. Помимо реальных воспоминаний в повествовании возникают еще и моделируемые, типологические ситуации, которые и свидетели, и читатель могут признать правдивыми, поскольку они переданы с позиции подлинного свидетеля.

Ключевые слова: память; Солженицын; Архипелаг ГУЛАГ; свидетель; страдание; жертва.

Цитирование: *Ликвинцева Н. В.* Работа памяти в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки.* 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 33–43.

Поступила в редакцию 25.12.2018

Принята к печати 09.01.2019

Natalia V. Likvintseva

*Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad
Moscow, Russia***THE WORK OF MEMORY IN *THE GULAG ARCHIPELAGO*
BY ALEKSANDR SOLZHENITSYN**

This article analyses the formative nature of the work of memory in *The Gulag Archipelago* of Aleksandr Solzhenitsyn inspired by the writer's desire to tell about the victims of Gulag and become a witness. This approach determines the uniqueness of the genre and temporality of the work and the history of its creation. The combination of the personal memory of the narrator and collective memory of other victims is not achieved through a mechanical multiplication of different positions, but through a framework of testimonies. In the article, the figure of the witness is examined in the context of the typology of witnesses proposed by Aleida Assmann and through the prism of reflections by Primo Levi and Giorgio Agamben. The desire to become a witness of Gulag victims does not only require an intellectual effort of memory (attention, memorisation) from the author but also obliges him to make a moral choice (i.e. show readiness to share the destiny of victims, risk his life in the process of writing and publishing the book) and demonstrate capacity for accumulated suffering and deep empathy. The testimony is made on behalf of a diverse group marked as "we" and mainly implying prisoners. This group is opposed by another one marked as "they" and consisting of warders and executioners. By means of sympathising and demonstrating capacity for inner transformation, one can transfer from the second group to the first one. The figure of the reader is very important in this work of memory. The reader may join the group denoted as "we" from the very beginning, following the narrator on his way of suffering, thus transforming themselves and becoming someone who is capable of perceiving the testimony. Besides real memories, the text includes typologically modelled situations. They can be recognised as true both by witnesses and by readers as they are represented from the position of a real witness.

Key words: memory; Aleksandr Solzhenitsyn; *The Gulag Archipelago*; witness; suffering; victim.

Citation: Likvintseva, N. V. (2019). Rabota pamjati v "Arhipelage Gulag" A. I. Solzhenitsyna [The Work of Memory in *The Gulag Archipelago* by Aleksandr Solzhenitsyn]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 33–43.

Submitted on 25 December, 2018

Accepted on 09 January, 2019

Само появление этой легендарной книги — «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына — стало одним из важнейших событий в истории XX в., меняющих ее ход. Оно было подобно взрыву: настолько рельефно, объемно и выразительно о лагерной системе в СССР до этого не писали: так, чтобы читатель мог одновременно и составить представление о масштабе репрессий и истории репрессивной машины, и прочувствовать, благодаря точности художественного слова, судьбу

жертвы этой машины на себе. После прочтения этого произведения уже нельзя сказать, что о «лагерях» и советских репрессиях мы не знаем: оно прорывает не только пелену незнания, но и нежелание знать, саму попытку отгородиться от исторической трагедии. Этот «взрывной» характер «Архипелага ГУЛАГ», оказавшегося способным раздвинуть границы не только культурной, но и исторической памяти советского и постсоветского общества, внедрить в нее тему репрессий, связан не только с содержанием книги, но и с той работой памяти, которую осуществляет автор внутри текста, так что она становится одной из конституирующих, формообразующих доминант. Следы и задачи этой работы видны уже в самом первом эпиграфе-посвящении, обращенном к тем, «кому не хватило жизни об этом рассказать», с просьбой о прощении за то, что автор «не всё увидел, не всё вспомнил, не обо всём догадался» [Солженицын, 2008, т. 1, с. 5]. Жорж Нива отмечает, что, хотя композиционно «Архипелаг» «со своими семью частями» и «представляет собою целую глыбу письма», он весь подчинен в первую очередь «неистовому желанию видеть, показать и вызвать в свидетели очевидцев» [Нива, с. 90]. Попробуем всмотреться, как это «неистовое» желание связано с формальными и художественными особенностями произведения, сделавшими возможным уже ставшее «визитной карточкой» «Архипелага» сочетание в этой «симфонической истории» [Clément, p. 304] личной и коллективной памяти, «чудо слияния — без смещения! — личного и всенародного» [Струве, с. 37], вплетение личного голоса в хор свидетелей.

Говоря о формальных особенностях «Архипелага ГУЛАГ», обычно прежде всего отмечают его жанровое своеобразие, сразу бросающееся в глаза. Уже первые исследователи творчества Солженицына отмечали, что автор создал здесь «новую литературную форму» [Чуковская Л., с. 138], в которой «слились воедино разные литературные роды и жанры: новелла и легенда, стихотворение в прозе и бытовой очерк, сатира и проповедь, лирика и эпос...» [Шнеерсон, с. 80]. Современные литературоведы подчеркивают «эпопейную природу» [Федянина, с. 103] этого произведения, его пограничный характер «между художественно-документальной и научно-популярной литературой, а также публицистикой» [Спиваковский, с. 25]. Дефиниция самого автора, определившего свое создание как «опыт художественного исследования» и даже пояснившего новый термин, как «такое использование фактического (не преобразованного) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединенных однако возможностями художника, — общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном» [Солженицын, 1977, с. 135], — не снимает, а скорее усиливает закономерный читательский вопрос: как именно достигается такое соединение, претворение разнородного в единое целое. Поражает уже один только перечень жанровых разновидностей фрагментов, входящих в такое целое. Мы находим здесь «историческое исследование, исповедь, сборник свидетельских показаний, репортаж» [Нива, с. 94], «судебную речь» [Вроон, с. 419], историческую хронику, мемуары, роман воспитания, исповедь, кинематографические сцены, появляющиеся здесь задолго до «экранных

сцен» «Красного Колеса», — и при этом целое остается всегда больше суммы всех фрагментов и не исчерпывается ими. Из обобщающих жанровых дефиниций нам представляется наиболее емким и приближающим к тайне целого определение Евгении Ивановой, назвавшей этот «новый для литературы жанр» «историческим свидетельством» [Иванова, с. 452].

Желание стать свидетелем ГУЛАГа, голосом погибших, всех, канувших в советских лагерях, и было первичным импульсом к созданию этого произведения, тем «неистовым желанием», которое и запустило творческий процесс. При этом автор сразу понял, что его личный опыт слишком мал для такого замысла, что только личных воспоминаний, даже соединивших «опыт автора и его друзей» в рассказе «о судьбах всех, с кем его свела судьба», недостаточно: «Работа прервалась» [Сараскина, с. 444]. Следующий этап начался после выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича». Бывшие зэки стали бомбардировать Солженицына письмами, содержащими их жизненные истории, потому что в опубликованном рассказе узнали свой опыт, свой лагерь, свое страдание. И это принципиальный для нашей темы момент: основанием для работы памяти, вылившейся в «Архипелаг ГУЛАГ», послужило художественное произведение, *fiction*, с его типологическим образом Ивана Денисовича, созданным гением Солженицына и признанным истинным, правдивым большинством бывших зэков. Доля воображаемого, чисто художественного, очень значима и в структуре «Архипелага...». Момент художественного обязательно входит в те образы, которые врезаются в память читателя, разрастаясь до своеобразных символов, как образ девушки на фоне огня («Этому огню и тебе, девушка, я обещаю: прочтет о том весь свет» [Солженицын, 2008, т. 2, с. 146]) или таинственного ископаемого «тритона», съеденного зэками [Там же, т. 1, с. 7]: такие образы могут образовывать целые символические ряды, пунктирно проходящие через все произведение, как образы раковой опухоли или племени туземцев. Можно найти и обобщенные образы-типажи, как «один слившийся человек», словно воплотивший в себе всех встреченных автором в заключении убежденных марксистов [Там же, т. 2, с. 316], или замеченный Жоржем Нива «вымышленный свидетель, “человек Серебряного века”» [Нива, с. 96], глазами которого показан Соловецкий лагерь.

Можно выделить еще один важный в контексте темы памяти момент: сложносоставную темпоральность произведения Солженицына. Время «Архипелага ГУЛАГ» разворачивается в двойном плане: это историческое время пенитенциарной советской системы и время отдельной личности, находящейся внутри этой системы. Композиционная сложность такой двойной задачи предполагает и то сложное сочетание индивидуальной и коллективной памяти, которое мы здесь находим: отдельная человеческая судьба входит в общее течение истории, как маленькая матрешка входит в большую, происходит параллельное разворачивание событий, при этом малое оказывает влияние на большое, меняет его. Собственно, самое это изменение и оказывается основным сюжетным и композиционным стержнем книги: это медленное и поступательное движение отдельной человеческой души или группы людей к свободе, осуществляемое

в несвободном обществе, в рамках его истории. Поскольку история никогда не закончена, то в любой ее момент всегда остается возможность освобождения, движения к свободе. Композиция произведения подчеркивает нарастание в нем темы свободы, так как «большое время» исторической темпоральности разворачивается от революционных репрессий и создания системы ГУЛАГа к рассказу о непокорности эзков: истории побегов, лагерных восстаний, восстаний за пределами зоны. Страшное содержание этой книги таким образом сразу дано читателю в ракурсе надежды, образующем своеобразный горизонт памяти.

Итак, память, за работой которой мы пытаемся следить, это память свидетеля, а это нечто большее, чем просто фиксация событий. Хотя и такая фиксация, простое, но настойчивое усилие запомнить, удержать в памяти, не дать кануть в забвение, здесь тоже имеет место: почти с самого начала своего тюремно-лагерного пути автор ощущает себя летописцем Архипелага, тем, кому нужно своей пытливой памятью писателя всё запомнить, чтобы потом, по возможности, дать отчет о всех пройденных «кругах ада». Для этого нужно иметь активно работающую память, пристальное внимание ко всем подробностям, к каждой человеческой встрече, чтобы не дать ничему пропасть. Но для того, чтобы стать свидетелем, только этого недостаточно. Алейда Ассман в своей типологии свидетелей как актантов исторической памяти выделяет фигуру «морального свидетеля», роль которого состоит в том, чтобы свидетельствовать о погибших, «делаясь голосом умолкнувших навсегда и сохраняя в предании их имена. Благодаря его близости к гибели и самим погибшим его свидетельство не только обвиняет, но и оплакивает...» [Ассман, с. 54]. Это присутствие умерших, погибших очень ощутимо в «Архипелаге...» на всем протяжении повествования: читая, мы все время помним об их существовании, их прежнем страдании, их гибели. Солженицын, называя имена 227 свидетелей, без которых никогда не была бы написана эта книга, тут же поясняет: «Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым» [Солженицын, 2008, т. 1, с. 10].

Потому что настоящие, самые подлинные свидетели Архипелага, все погибли, выжившим остается лишь говорить за них, вместо них и от их имени. Солженицын приводит «благодарно-виновные» слова «старого лагерника Дмитрия Сергеевича Лихачёва: если я сегодня жив — значит, вместо меня кого-то расстреляли в ту ночь по списку; если я сегодня жив — значит, кто-то вместо меня задохнулся в нижнем трюме; если я сегодня жив — значит, мне достались те лишние двести граммов хлеба, которых не хватило умершему» [Там же, т. 2, с. 249].

Эта модальность вины роднит Солженицына со свидетелями Холокоста, в воспоминаниях которых тема вины еще более ощутима, возможно, по причине регулярных селекций или из-за более откровенной нацеленности нацистских лагерей смерти на тотальное уничтожение жертв. Один из главных свидетелей Шoa, Primo Levi, строит свое свидетельство именно на этой нравственной необходимости артикулировать опыт тех, кто не может выразить его сам: умерших

и «мусульман», «доходяг, канувших» [Леви, с. 68], рассказать за них то, что они никогда не смогли и не смогут сказать. Джорджо Агамбен называет такое свидетельство «встречей двух невозможностей свидетельствовать» и считает именно такую невозможность, «природу не-свидетельствуемого» [Агамбен, с. 40], самым важным в свидетельстве о глубине трагедии Холокоста.

«Мусульмане», доходяги пересекли порог человечности, они утратили речь, они умерли задолго до смерти и их уже с трудом можно отнести к человеческому роду, и, однако, именно их Примо Леви считает «подлинными свидетелями» [Леви, с. 68]. Они же оказываются героями произведения Солженицына. Он пишет: «Как ничто, в чем держится жизнь, не может существовать, не извергая отработанного, так и Архипелаг не мог бы копошиться иначе, как отделяя на дно свой главный отброс — *доходяг*. И всё, что построено Архипелагом, — выжато из мускулов доходяг (перед тем как им стать доходягами)» [Солженицын, 2008, т. 2, с. 200].

Именно доходяги коснулись дна пропасти, о которой и надлежит свидетельствовать свидетелю. Этот образ «дна» очень важен и у Примо Леви, и у Солженицына. Леви замечает, что мы, говорящие, выжившие, — это те, кто из-за своего приспособленчества или везения «не достиг дна» [Леви, с. 68], в отличие от тех, «канувших». А автор «Архипелага...» с огромным уважением говорит об опыте Варлама Шаламова, потому что «именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт» [Солженицын, 2008, т. 2, с. 204]. Чтобы стать подлинным свидетелем или хотя бы приблизиться к возможности так свидетельствовать, нужно коснуться этого дна пропасти: вот почему еще одним принципиально важным в работе памяти моментом становится нравственный выбор автора — оставить шарашку, этот привилегированный, первый «круг ада», и добровольно устремиться к худшему, в лагерь, на общие работы, на каторгу, на «дно». Этот добровольный выбор ярко описан Солженицыным в его романе «В круге первом».

Итак, память свидетеля включает в себя не только внимательность и желание свидетельствовать, но и нравственный и экзистенциальный выбор говорящего, который и делает из него свидетеля. Этот нравственный аспект памяти предполагает также очень высокую степень эмпатии, личный опыт страдания и способность сострадать другому. Боль, страдание будут одними из главных героев «Архипелага ГУЛАГ»: вместе с автором мы почти физически следуем по описанным им кругам ада, испытываем описанные им страдания фактически на собственной коже. Лишь при таком условии, лишь убрав защитные механизмы психики, мы можем прикоснуться к исторической памяти. Александр Эткинд, говоря о проблемах исторической памяти в советской и постсоветской России, вводит термин «работа горя», предполагающий такую проработку трудного прошлого, которая будет не просто признанием «травмы» или интеллектуальным накоплением знания о репрессиях и жертвах, но и «желанием разделить бремя этого знания» [Эткинд, с. 25], эмпатией и оплакиванием жертв: при отказе политиков от последовательного проведения десталинизации, «изгнанная из политики», работа горя нашла себе «прибежище в культуре» [Там же, с. 60].

Солженицын, и его «Архипелаг ГУЛАГ» тут играют первостепенную роль. В процессе создания этой книги автор не просто соединяет свой опыт страдания с опытом других, тех 227 свидетелей, без которых, как он признается с самого начала, эта книга не была бы возможна, и других, живых и умерших, чьи образы возникают на ее страницах, он еще и весь этот путь страдания, от момента ареста до объявления вечной ссылки, проживает еще раз, заново, так что в итоге получается усиленный, аккумулированный образ страдания, так явственно ощутимый при чтении. Личная память тогда не просто включает в себя множественные отголоски других историй, но резонирует с ними в общем поле пережитого страдания и эмпатии к другому. Именно на этом фоне и возникает одна из главных солженицынских тем: рождение новой социальности, новых, хрупких человеческих отношений, когда даже в аду ГУЛАГа, посреди засилья стукачей, в окружении палачей, один человек может доверять другому, бескорыстно помочь, завязать дружбу. Завязываются настоящие узлы человечности в обезчеловечивающих условиях, и это еще один из тех «каналов», по которым солженицынское произведение транслирует не только правду о травматическом опыте, но и надежду.

Что же касается аспекта нравственного выбора, то для Солженицына здесь характерен не только добровольный отказ от привилегий ради возможности разделить опыт «дна» и стать подлинным свидетелем, но и нечто большее. Само создание и тем более публикацию этой книги автор всегда рассматривал как смертельный риск в своей борьбе «теленка с дубом»: «Много лет я так понимал: напечатать “Архипелаг” — заплатить жизнью. Не отрубить за него голову — не могут они: перестанут быть сами собой, не выстоит их держава» [Солженицын, 1996, с. 346]. Мы помним драматическую историю публикации этой книги, начатой автором после трагической гибели Елизаветы Воронянской, одной из «невидимок»; роль Никиты Струве, согласившегося, тоже с трудом и риском, напечатать в маленьком парижском издательстве «УМСА-Press» тайно переправленный на Запад «Архипелаг», появление которого произвело эффект разорвавшейся бомбы. Солженицыну в этом противостоянии «с дубом» приходилось не только рисковать собственной жизнью и жизнями «невидимок», своих добровольных помощников, не только ставить под угрозу жизни тех, чьи свидетельские показания собраны в книге, но и рисковать жизнью собственной семьи, жены и маленьких детей: угрозы в отношении детей поступали автору от КГБ. Солженицын признается в «Теленке»: «Они не знали, что и тут решение принято сверхчеловеческое: наши дети не дороже памяти замученных миллионов, той Книги мы не остановим ни за что» [Там же, с. 328]. Само это свидетельство и оказывается в итоге тем пространством, на котором разворачивается битва с советской идеологией, с ложью и, вплоть до сегодняшнего дня, с попыткой забыть о жертвах и навязать забвение; оно восстанавливает справедливость, память и правду.

Итак, мы видим, что работа памяти в аспекте свидетельства предполагает не только интеллектуальное усилие, но и дар эмпатии, способность чувствовать

боль, а также личный нравственный и экзистенциальный выбор. Носителем такой коллективной памяти свидетелей Архипелага ГУЛАГ (не равной механическому сложению личной памяти каждого из них со всеми остальными) оказывается в солженицынском тексте некое загадочное «мы», от имени которого автор часто говорит с самого начала произведения. «Мы» это не однородно, в нем звучит полифоническое многоголосие, а иногда ирония и самоирония, оно может даже расширяться иногда до «мы» как «советских людей», «давно готовых к растлению, еще на воле тронутых им» [Солженицын, 2008, т. 2, с. 579]. Но чаще всего это «некая коллективная группа узников лагерей и тюрем» [Маркштайн, с. 96], объединяющим моментом для которой оказывается именно опыт пережитого страдания, вплоть до парадоксального образа общей страдающей души: «...перемалывается наша душа, а уж мясо свисает, как лохмотья оборванца, — мы слишком страдаем...» [Солженицын, 2008, т. 1, с. 150]. При всей разнородности этой группы, она полностью противоположна другой группе — «они», т. е. «органы, следователи и охранники» [Маркштайн, с. 97], доносчики и палачи, судьи и представители власти.

«Мы» и «они» порой противопоставляются внутри одной фразы как разные полюса социально-нравственной иерархии: «Какими кажемся мы им, в наших чёрных бушлатах...?» [Солженицын, 2008, т. 3, с. 221]. Группа «они» гораздо более монолитна, чем разнголосое «мы», ее объединяет то, что «их» опыт не передаваем и даже, пожалуй, не представим, не нуждается в репрезентации, это тот темный фон, на котором разворачивается повествование о страданиях эков. Нравственный долг требует только назвать их, палачей, по возможности поименно, и осудить дела их рук, сами преступления, совершенные «ими». Группа эта не закрыта, как только кто-то из «них», соприкоснувшись со страданием, начинает внутренне, нравственно меняться, он покидает эту группу, перестает быть фоном и возвращается в мир живых и способных к изменению людей, может примкнуть к «мы». Тогда он достоин прощения: «Не всех же прощать! А я — и не всех. Я только — павших. <...> ...как только он сверзился, упал, и от земного удара первая борозда сознания прошла по его лицу, — отведите ваши камни! Он сам возвращается в человечество. Не лишите его этого божественного пути» [Там же, с. 434].

«Архипелаг ГУЛАГ», помимо всего прочего, еще и исповедь автора, его предельно честный рассказ о собственном духовном и жизненном пути, с обличением своих грехов, мыслей и представлений о жизни до ареста и даже в первое время после, пока страдание не переплывило уверенного в себе юного советского офицера в способного к состраданию эка. Он признает, что и сам, без этого опыта страдания, мог легко оказаться в группе «они»: «...да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они» [Там же, т. 1, с. 171]. Такая исповедь как рассказ о внутреннем изменении, настоящей «метанойе», совершившейся в опыте страдания, о приобретении нового взгляда на жизнь, новой жизни, и будет центральным моментом произведения: без такой перемены автор не смог бы стать свидетелем.

Примечательно, что с самого начала повествования читатель приглашен стать частью этого почтенного «мы». Помимо всего перечисленного реестра жанровых разновидностей, Архипелаг содержит в себе еще и черты романа инициации. Читатель вместе с автором проходит все этапы страшного тюремно-лагерного пути: арест, следствие, лагерь. В конце этого пути читатель уже не тот, что в начале, он изменился, и автор уже может доверить ему то, чего не мог искренне обсуждать с ним в начале, он уже может говорить с ним о власовцах, о лагерных бунтах, о свободе. Вот почему еще одной модальностью памяти в «Архипелаге» становится воображаемая и типологическая ситуация, которой вроде бы никогда и не было на самом деле, но в которой свидетели могут узнать собственный опыт, а прикоснувшийся к этому опыту читатель — узнать правду, поскольку передана она с позиции подлинного свидетеля. Такие моделируемые ситуации, куда сразу втянут читатель, возникают с первых страниц повествования: «Всё. Вы — арестованы. И нич-ч-чего вы не находитеесь на это ответить...» [Солженицын, 2008, т. 1, с. 22].

Читатель, который внимательно прочитает все произведение, который проществуя за повествователем по всем кругам ада, пропитается страданием, надеждой, покаянием, любовью к подлинной свободе, сочувствием к окружающим, не сможет не измениться и не стать другим. Алейда Ассман в своей типологии свидетелей говорит еще и о «вторичных свидетелях» [Ассман, с. 53], тех, кто сможет воспринять свидетельство выживших. Без них это свидетельство окажется напрасным, не услышанным, бесплодным. Работа памяти, начатая автором, соединившим свои воспоминания с рассказами свидетелей, преобразив их в одно общее свидетельство, оплакивающее погибших, бичующее социальные язвы и дающее надежду, обращено к нам, к читателям. Елена Цезаревна Чуковская говорила, что «путь нашей страны был бы другим, если бы “Архипелаг” люди как следует прочитали и обдумали» [Чуковская Е., с. 370]. Работа памяти не завершена: внимательным чтением и обдумыванием читатель еще может включиться в нее и тем самым повлиять и на формирование исторической памяти страны, и на ход самой истории.

Источники

Солженицын А. Интервью на литературные темы с Н. А. Струве // Вестн. рус. христианского движения. 1977. № 120/1. С. 130–158.

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т. М.: Вагриус, 2008.

Исследования

Агамбен Дж. Номо сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с ит. М.: Европа, 2012.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2014.

Вроон Р. Литературное произведение как судебный процесс: «Архипелаг ГУЛАГ» / пер. с англ. Б. А. Ерхова // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. / сост. Э. Э. Эрикссон, мл. М. : Рус. путь, 2010. С. 417–446.

Иванова Е. Предание и факт в судьбе «Архипелага ГУЛАГ» // Между двумя юбилеями: 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Рус. путь, 2005. С. 449–458.

Леви П. Канувшие и спасенные / пер с ит. Е. Б. Дмитриевой. М. : Новое изд-во, 2010.

Маркштайн Э. О повествовательной структуре «Архипелага ГУЛАГ» // Филол. записки. [Воронеж]. 1993. Вып. 1. С. 91–101.

Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. П. Маркиша. М. : Худ. лит., 1992.

Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2008.

Стиваковский П. Архипелаг Гулаг // Энциклопедия мировой литературы / под ред. С. В. Стахорского. СПб. : Нев. кн., 2000. С. 25–27.

Струве Н. «Архипелаг ГУЛАГ» // Струве Н. Православие и культура. М. : Рус. путь, 2000. С. 36–39.

Федянина М. Е. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына как эпопея: особенности поэтики // Солженицынские тетради. 2018. № 5. С. 103–120.

Чуковская Е. Александр Солженицын. От выступления против цензуры к свидетельству об Архипелаге ГУЛАГе // Между двумя юбилеями: 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Рус. путь, 2005. С. 352–370.

Чуковская Л. Процесс исключения. Paris : YMCA-Press, 1979.

Шнейерсон М. Александр Солженицын: очерки творчества. Frankfurt am Main : Посев, 1984.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2016.

Clément O. L'esprit de Soljenitsyn. Paris : Stock, 1974.

References

Agamben, G. (2012). *Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsyma: arhiv i svidetel'* [Homo Sacer. Remnants of Auschwitz. The Witness and the Archive]. Moscow: Europe. (In Russian)

Assmann, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorialnaia kultura i istoricheskaiia politika* [The Long Shadow of the Past. Memory Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Clément, O. (1974). *L'esprit de Soljenitsyn*. Paris: Stock. (In French)

Chukovskaya, E. (2005). Aleksandr Solzhenitsyn. Ot vystupleniia protiv tsenzury k svidetel'stvu ob Arhipelag GULAGe [Aleksandr Solzhenitsyn. From the Opposition to Censorship to the Testimony about the Gulag Archipelago]. In N. A. Struve, & V. A. Moskvina (Comp.), *Mezhdru dvumia iubileiami: 1998–2003. Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Between Two Birthdays: 1998–2003. Writers, Critics, Literary Historians about the Legacy of A. I. Solzhenitsyn] (pp. 352–370). Moscow: Russkij put'. (In Russian)

Chukovskaya, L. (1979). *Process iskliucheniia* [The Process of Expulsion]. Paris: YMCA-Press. (In Russian)

Etkind, A. (2016). *Krivoie gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Fedyanina, M. E. (2018). "Arhipelag GULAG" A. I. Solzhenitsyna kak epopeya [The Gulag Archipelago by A. I. Solzhenitsyn as an Epic]. *Solzhenitsynskie tetrad'i*, 5, 103–120. (In Russian)

Ivanova, E. (2005). Predanie i fakt v sud'be "Arhipelaga GULAG" [Legend and Fact in the Destiny of The Gulag Archipelago]. In N. A. Struve, & V. A. Moskvina (Comp.), *Mezhdru dvumia iubileiami: 1998–2003. Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Between Two Birthdays: 1998–2003. Writers, Critics, Literary Historians about the Legacy of A. I. Solzhenitsyn] (pp. 449–458). Moscow: Russkij put'. (In Russian)

- Levi, P. (2010). *Kanuvshie i spasennye* [The Drowned and the Saved]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Markstein, E. (1993). O povestvovatel'noj structure "Arhipelaga GULAG" [About the Narrative Structure of *The Gulag Archipelago*]. *Filologicheskie zapiski*, 1, 91–101. (In Russian)
- Niva, G. (1992). *Solzhenitsyn*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Saraskina, L. (2008). *Aleksandr Solzhenitsyn*. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Schneerson, M. (1984). *Aleksandr Solzhenitsyn: ocherki tvorchestva* [Aleksandr Solzhenitsyn: Essays about Legacy]. Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)
- Spivakovsky, P. (2000). Arhipelag GULAG [*The Gulag Archipelago*]. In S. V. Stakhorsky, *Entsiklopediya mirovoj literatury* [An Encyclopaedia of World Literature] (pp. 25–27). St Petersburg: Nevskaya kniga. (In Russian)
- Struve, N. (2000). "Arhipelag GULAG" [*The Gulag Archipelago*]. In N. Struve, *Pravoslavie i kultura* [Orthodoxy and Culture] (pp. 36–39). Moscow: Russkij put'. (In Russian)
- Vroon, R. (2010). Literaturnoe proizvedenie kak sudebnyj process: "Arhipelag GULAG" [Literature as Litigation: Aleksandr Solzhenitsyn's *The Gulag Archipelago*]. In E. E. Ericson, Jr. (Ed.). *Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaya kritika, 1974–2008* [Solzhenitsyn: Thinker, Historian, Artist. Western Literary Criticism, 1974–2008] (pp. 417–446). Moscow: Russkij put'. (In Russian)

Ликвинцева Наталья Владимировна

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник отдела
культуры Российского Зарубежья
Дом русского зарубежья
им. Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Likvintseva, Natalia Vladimirovna

PhD (Philosophy), Leading Researcher,
Department of Russian Émigré Culture
Aleksandr Solzhenitsyn House
of Russia Abroad
2, Nizhnyaya Radishchevskaya Str.,
109240 Moscow, Russia
Email: natalia.likvintseva@gmail.com